

шолтфа

Л.Г.Фишман

ЗАКАТ «ОБЩЕСТВА ТРУДА»: СОВРЕМЕННАЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНСТЕЛЛЯЦИЯ¹

Ключевые слова: идеология, общество труда, рентное общество, социальный субъект

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант №15-03-00124 «Возвышение и кризис демократии в рентной перспективе» на 2015—2016 гг.).

Есть основания полагать, что сейчас происходит очередная «Великая трансформация» мировой капиталистической системы. Характер этой трансформации обычно рассматривается под углом зрения ее экономических и социальных аспектов.

Поскольку же нас интересует идеологический аспект этой трансформации, необходимо выбрать в качестве отправной точку, отталкиваясь от которой можно наиболее очевидным и убедительным образом увязать изменения в социальной, экономической и политической структуре современных обществ.

Мы будем исходить из того, что *предпосылки современной констелляции идеологий обусловлены закатом «общества труда» и переходом его в какое-то иное, еще не вполне ясное качество.*

Что такое «общество труда»? По словам Робера Кастеля, во второй половине XX в. «общество не стало однородным, как не стало оно и мирным, но его антагонизмы приняли форму борьбы за должности и место в иерархии, а не борьбы классов. Это общество, в котором наемный труд из пугала превратился в основной способ идентификации»².

Ему вторит Ален де Бенуа: «Чем больше труд носит на себе черты отчуждения, тем меньше от него хотят освободиться. Чем больше само представление об обществе труда оказывается в кризисе, тем более одержимость темой занятости овладевает умами. Таким образом, мы продолжаем испытывать на себе последствия идеологии труда даже в то время, когда начинают сочетаться условия, которые позволили бы от нее освободиться. „В большинстве случаев, — заметил Жорж Фридман, — человек превосходит свой труд“⁴. Не следовало бы забывать об этом в нашу эпоху, когда людей, не занятых оплачиваемым трудом, могут, кажется, называть лишь безработными и изгоями»³.

«В конце XX столетия, — утверждают авторы «Манифеста против труда», — всякие идеологические противоречия почти улетучились. Осталась лишь беспощадная общая догма о том, что труд есть естественное предназначение человека»⁴. Данная оценка справедлива и применительно к советскому обществу, идеология которого «была трудодоминантной, труд в ней имел своего рода священный, сакральный

² Кастель 2009: 417.

³ Бенуа 2013.

⁴ Манифест 1999.

⁵ Магун 2003.

смысл. В нормативных текстах декларировалась всеобщность труда в СССР, то есть обязательность трудовой деятельности для каждого трудоспособного члена общества, недопустимость неучастия в труде и извлечения „нетрудовых доходов“⁵. Поэтому, хотя приводимые нами ниже примеры касаются ситуации на Западе, сама эта ситуация имеет прямое отношение и к России.

Теперь «общество труда» переживает кризис. Одной из ипостасей этого кризиса является «общество всеобщей занятости любой ценой» (как в Германии), где сам доступ к труду, к работе становится следствием политических и административных мер, почти привилегией, за которую борются со все большим ожесточением.

«Именно благодаря оплачиваемому труду (и в особенности труду, оплачиваемому заработной платой), — пишет Андре Горц, — мы принадлежим к общественной сфере, обретаем существование и социальный статус (то есть „профессию“)… оказываемся включенными в сеть отношений и обмена, в которой мы соизмеряем себя с другими и чувствуем себя вправе взаимно выражать уважение. Именно потому, что устанавливаемая обществом и им же вознаграждаемая работа — даже для тех, кто ее ищет, к ней готовится или ее не имеет, — давно стала самым важным фактором социализации, индустриальное общество считается „обществом трудящихся“ и на этом основании отличается от всех предшествовавших ему обществ»⁶.

⁶ Цит. по: Бенуа 2013.

В этом трансформирующемся обществе правит «труп мертвого труда»: «Все силы мира соединились для защиты его господства — папа римский и Всемирный банк, Тони Блэр и Йорг Хайдер, профсоюзы и предприниматели, немецкие экологи и французские социалисты. Все они знают только один лозунг: „Работай, работай и работай!“… Чем очевиднее, что общество труда приближается к своему неминуемому концу, тем сильнее этот конец вытесняется из общественного сознания. Методы такого вытеснения могут быть различными, но все они имеют одно общее: всемирная реальность превращения труда в иррациональную самоцель, которая саму себя делает излишней, с упрямством безумия истолковывается как личная или коллективная непригодность тех или иных лиц, предприятий или мест их размещения»⁷.

⁷ Манифест 1999.

* * *

Закат «общества труда» привел к кризису идентичности прежнего трудового социального субъекта вне зависимости от его классового статуса. Это нашло отражение в кризисе современных идеологий, который в действительности свидетельствует не об исчезновении последних, а о процессе их переформатирования в некое пока еще не совсем понятном ключе. Признаки новой констелляции идеологий отчасти зафиксированы в постмодернистской парадигме: распад метанарраций, исчезновение субъекта, исчезновение референтности между реальным субъектом и политической идеологией и т.д.

С ослаблением трудовой идентичности вновь встает вопрос об основаниях идентичности социальных субъектов. В качестве таковых все чаще акцентируются раса, нация, пол, гендер, религия и т.д. Отсюда — распространение «политики идентичности» вплоть до идеи о том, что «государства должны разрешить множественную идентичность» и гарантировать права каждой из них⁸. Трансформация характера политических требований новых политических сил может быть описана как борьба за компенсацию потери социальной субъектности.

⁸ Стэндинг 2014: 278.

NB! Тут необходимо небольшое пояснение. Социальным субъектом считается носитель социального действия, разрабатывающий и реализующий некие цели. Однако поскольку любой индивид, любая социальная группа и т.д. одновременно выступают и как объект, и как субъект, вопрос заключается в том, «что именно преобладает у каждого конкретного социального индивида, социальной группы, государства и т.д. — качество субъекта преобразования социальных условий или качество объекта их воздействия»⁹. Современные «страдающие классы» вроде прекариата или приближающиеся к ним группы трудно считать субъектами преобразования социальных условий. Именно это мы имеем в виду, когда говорим о потере субъектности.

⁹ Лоскутов 2001.

Соответственно, унаследованные от прошлого идеологии не исчезают, как могло показаться вначале, но тоже трансформируются в парадигме утраты субъектности / политики идентичности / требования компенсации. Современные идеологии (политические дискурсы) — это дискурсы отложенной субъектности. Таковыми их делает надвигающаяся тень «рентного общества»¹⁰, в котором большая часть населения окажется экономически непродуктивной и поэтому лишней, но от которой нельзя будет безболезненно избавиться в силу политических соображений.

¹⁰ Подробнее см. Фишман, Давыдов 2015.

В переломный период основой существования социальных групп, утрачивающих свою субъектность и борющихся за компенсацию утраты, становится рента. Если положение прекаризирующихся социальных слоев характеризуется неустойчивостью, то главным их желанием будет обретение устойчивости (стабилизации положения). Но на том же желании базируется любая рента. В этом запросе на устойчивость, на гарантии социального положения, социального статуса вне зависимости от трудовых и прочих усилий (востребованность которых к тому же все больше сходит на нет) и выражается устремленность к рентному обществу. Речь не обязательно идет о денежной ренте в виде «базового дохода». Тут возможны варианты — от требований того, чтобы «политики и социальные институты перераспределили гарантии защиты и дали возможность каждому развивать свои таланты», до ностальгии по «воображаемому золотому веку» вкупе с озлоблением против правил, банков, элиты и salariата¹¹.

¹¹ Стэндинг 2014: 274. Салариат, в терминологии Гая Стэндига, — это все те, у кого есть гарантии занятости, зарплаты, пенсии, страховки.

Все это определяет характер идеологий упомянутых социальных слоев. Иными словами, начинается переход от идеологической констелляции, основанной на идеологии труда, к констелляции, строящейся на пока еще неочевидной идеологии ренты. Идеологический консенсус вокруг ренты оказывается неизбежным, поскольку он, как и «идеология труда», исходит из наличия общественных отношений, при которых труд является основанием идентичности, субъектности. Рента же в формирующемся обществе будет рассматриваться как компенсация за утрату такой идентичности.

* * *

Сейчас вопрос о ренте и образе жизни рантье не ставится, хотя число рантье (даже в традиционном понимании) увеличивается и в обозримой перспективе, по оценке Томá Пикетти, достигнет в Европе и США примерно 15% населения. «Мы перешли от общества с небольшим количеством крупных рантье, — пишет Пикетти, — к обществу с намного большим количеством мелких рантье»¹². Официально, однако, быть рантье неприлично, рантье не выпячивают своего рантьерства и гордятся зарплатой и иными *трудовыми* источниками дохода¹³. Есть основания полагать, что в будущем прослойка рантье вырастет, хотя не обязательно большинство из них будут получать ренту в традиционном смысле. В конце концов, «работа», полученная благодаря проведению политики занятости любой ценой и по критерию гражданства, нации, расы, пола и т.д., тоже фактически является рентой — источником дохода не в силу трудовой деятельности, а в силу положения в социальной структуре. Следует ожидать, что разные социальные слои войдут в рентное общество по-разному и установится нечто вроде иерархии рантье.

«Идеальным типом» рентного общества можно считать общество, где большинство населения еще обладает политическим ресурсом, однако отчуждено не только от результатов своего труда, но и от самого труда. Рентное общество — наивысшая стадия отчуждения в рамках капиталистической формации, итог развития отчуждения на предыдущих этапах (социальные отношения, культура, производственные отношения). Отчуждение здесь существует как неустранимая данность, как вторая природа, которую нельзя изменить человеческими усилиями, ибо она в них практически не нуждается. Такого рода законченное отчуждение можно также считать идеалом капитализма, проступающим уже в мифологии свободного рынка, который регулирует себя посредством усилий атомизированных индивидов, на деле исполняющих не свою, а его, рынка, волю.

Идеальный для такого состояния предельного отчуждения индивид, черты которого описаны в моделях максимизатора прибыли и homo economicus, должен исповедовать своего рода философию «непривязанности» к конкретным обстоятельствам, людям, социальным

¹² Пикетти 2015: 415.

¹³ Там же: 412.

структурам и связям, опосредующим его стремление к прибыли или даже просто к заработной плате. Это идеальный пролетарий, которому «нечего терять», даже если он занимается управленческим, творческим, креативным и т.д. трудом. Ему противостоит такой же идеальный буржуа, максимально освобожденный, насколько это возможно, от любых обязательств перед пролетариатом и обществом. Но обе эти группы составляют явное меньшинство населения, все же прочие пополняют ряды «лишних людей».

В этой ситуации для последних все решается борьбой либо за уничтожение капитализма, либо за принуждение его к принятию новых обязательств перед основной массой населения в иной, чем раньше, форме. Не стоит рассчитывать на возрождение прежнего социального государства: оно было продуктом времен, когда отчуждение еще не достигло нынешней стадии и человек был нужен для воспроизводства экономических отношений, для воспроизводства капитализма. Поскольку же, будучи все менее востребован для воспроизводства капитализма, в качестве гражданина человек по-прежнему обладает политическими правами, ему остается добиваться от государства, чтобы то гарантировало ему средства, способные обеспечить его существование и, желательно, личную самореализацию. В условиях «технологического замещения» такие гарантии возможны лишь в виде ренты как компенсации за утраченную трудовую субъектность.

* * *

Развертывающаяся борьба за подобные гарантии еще только приобретает адекватное идеологическое оформление. Прежний либерально-консервативно-социалистический идеологический консенсус трансформируется в новый, но процесс этот далек от завершения.

Рентное общество еще не стало реальностью. Социальные группы переходного к рентному общества пока не обладают собственным классовым сознанием, они интегрированы в другие социальные группы и надеются сохранить привычный образ жизни. Но если принимать всерьез перспективу становления рентного общества, то происходящие в идеологической сфере сдвиги (по крайней мере, некоторые из них) получают свое объяснение. В новой констелляции не обязательно все идеологии будут рентными в том смысле, что главным своим требованием будут выдвигать нечто вроде предоставления всем гражданам «базового дохода». Не обязательно это будут идеологии, его обосновывающие. Может быть, это будут и идеологии, ему сопротивляющиеся. Однако уже сейчас характерная черта трансформации идеологической сферы состоит в том, *что большая часть политических дискурсов преобразуется в дискурсы компенсации за утраченную субъектность.*

Борьба за субъектность может заключаться в попытке восстановить ее в прежнем виде либо добиться компенсации за ее утрату.

Но компенсация за утраченную субъектность не равнозначна приобретению другой, нисколько не худшей.

Именно поэтому в настоящее время мы не наблюдаем влиятельных утопий. Утопии суть выражение устремлений «поднимающихся» классов. Эти классы инициируют онтологическую революцию благодаря тому, что само их существование есть результат возникновения новой социальной реальности, нового общественно-экономического уклада и, как следствие, новой субъектности. Если же нового уклада не возникает (например, «постиндустриальное общество» по большому счету так и не сложилось), речь идет скорее о разложении старых социальных связей. Одним из симптомов разложения является выход на сцену многочисленных «страдающих» социальных групп вроде прекариата. Будучи продуктом распада «общества труда», эти группы могут требовать либо возвращения к старому доброму прошлому, либо компенсации за утрату власти над собственной судьбой. Они могут прислушиваться к разного рода моралистической риторике (в то же время обнаруживая склонность к моральному релятивизму, если теряется перспектива непосредственной выгоды). Но они не создают утопий, поскольку параметры их существования заданы пространством сокращающихся возможностей, когда «даже самые элементарные потребности считаются бесстыдными притязаниями на роскошь, которые должны быть сокращены до минимума»¹⁴. В такой ситуации если и можно говорить о каком-то утопическом сознании, то только о реакционном, пусть даже и прикрытом левой риторикой о минимально необходимом доходе, идея которого была выдвинута отцом неоллиберализма Милтоном Фридманом «задолго до того, как разоружившиеся левые обнаружили ее как якорь спасения»¹⁵.

¹⁴ Манифест 1999.

¹⁵ Там же.

На уровне общественных наук трансформация выражается в педагогизации проблематики общества, общественного блага, социального капитала, необходимости согласования интересов и т.д. Растет популярность коммунитаристской парадигмы, возникшей как ответ на неоллиберализм, демонстративно выводящий за скобки все большее число «исключенных». Те, чью субъектность неоллиберализм игнорирует, становятся объектом внимания и сочувствия коммунитарных теоретиков, готовых предложить им суррогат субъектности в виде политики идентичности и делиберативной демократии. Другим суррогатом является разновидность ренты в форме безусловного основного дохода, i.e. гарантированных государством денежных выплат каждому гражданину, а пока его нет — социальных пособий.

Это можно считать реакцией на ситуацию, при которой борьба за долю ренты начинает играть решающую роль. Уходящее западное общество, замечает Борис Кашников, — это «общество эгалитарной справедливости», а все важнейшие концепции современной западной мысли (либерализм, коммунитаризм, социализм, либертарианство, феминизм) — это «эгалитарные концепции справедливости», и «спор идет не о выборе фундаментальных ценностей, а о наиболее точной

¹⁶ *Кашников 2004:*
39—40

¹⁷ *Мартьянов,*
Фишман 2010:
199—207.

интерпретации общей для всех базовой ценности политическо-го и морального равенства, то есть равенства жизненных шансов»¹⁶. Необходимо, однако, учитывать, что взлет популярности дискурса справедливости во второй половине XX в. сам по себе был признаком исчерпания модели капитализма как «общества труда». Вторичный по отношению к идеологическим вариациям «проекта Модерна» и компенсаторный по природе дискурс социальной справедливости был призван скорректировать в духе «социального ремонта» нарастающие дисфункции этой социальной модели, альтернативы которой так и не было выдвинуто¹⁷. Сегодня прежние стратегии обоснования социальной справедливости в привычном либеральном, социал-демократическом и прочем ключе перестают работать, ибо разлагается порядок, при котором актуальна постановка вопроса о справедливости как воздаянии каждому за его «общественную полезность», то есть в конечном счете *за работу*. В перспективе маячит иным образом понимаемая справедливость — как воздаяние каждому просто за факт гражданства или обладания какой-то значимой (не обязательно экономически) идентичностью. Пока согласия по поводу критериев этой идентичности не выработано, господствующие политические дискурсы занимают оборонительную позицию, сближаясь друг с другом в силу базового сходства изначальных установок.

Поэтому при рассмотрении дискурсов справедливости следует прежде всего уточнять, на какую стратегию они ориентированы. Дискурсы, ориентированные на компенсацию, строго говоря, не видят для своих объектов перспективы новой субъектности. Стратегия компенсации исходит из признания утраты или серьезного ограничения социальной субъектности. Согласие на компенсацию означает согласие с тем, что по-прежнему уже не будет и сам ты не будешь таким, как прежде. И если в концепциях справедливости этот элемент компенсации нарастает, значит, в обществе «что-то не так»: слишком многие теряют субъектность.

Сейчас, вне сомнения, происходит смещение в сторону *получения компенсации* за утраченную субъектность, поскольку возможностей для сохранения старой субъектности или выработки новой становится все меньше, особенно для молодежи. Собственно, это и составляет содержание наступающей эпохи, и пока содержание преимущественно негативное.

* * *

¹⁸ *Валлерстайн*
2001.

¹⁹ *Фишман 2014.*

В своем изначальном виде трансформирующийся ныне идеологический консенсус был либерально-консервативно-социалистическим¹⁸. Во второй половине XX в. либерализм как ведущая идеология (метаидеология) этого консенсуса был подвергнут критике и замещен неолиберализмом. Последний, впрочем, оказался не в состоянии полноценно заменить своего предшественника, за что, свою очередь, критикуется с разных сторон¹⁹.

Тем не менее *сегодня неоллиберализм (как и неоконсерватизм) — это идеология единственного сохранившегося социального субъекта, который единственный (поскольку других нет) проводит «классовую политику», оборачивающуюся деклассированием все большей части общества при утрате перспектив развития.* Его социально-экономическое либертарианство выглядит как простое «идеологическое отражение эгоизма собственника»²⁰. Остальные политические позиции суть компенсаторная и защитная реакция на этот эгоизм.

²⁰ Прокофьев б. г.

В настоящее время неоллиберализм, по сути, является главным идейным наследником «общества труда», хотя в силу его классового характера это выражается преимущественно в риторике против «социального паразитизма», порождаемого социальным государством. В результате социал-демократия оказывается идеологически беспомощной перед неоллибералами: ее побивают ее же риторикой труда. Социал-демократия не может отстаивать социальный паразитизм. Но что такое социальный паразитизм, теперь определяют неоллибералы, противопоставляя ему рыночную «эффективность». Тем самым они навязывают социал-демократам, пытающимся сформулировать стратегию «третьего пути», парадигму «эффективности», в соответствии с которой рынки могут быть использованы для достижения традиционных целей социал-демократии²¹. Как справедливо замечает Валентина Федотова, из-за эволюции концепций «сегодня многие социал-демократические исследователи видят свою цель не в защите справедливости, а в установлении адекватного соотношения социальной справедливости и экономической эффективности, государства и рынка, сдвигающего левые партии к центру»²². Однако в рамках данной стратегии упомянутое выше «адекватное соотношение» превращается в защиту права социальной базы социал-демократов на получение своего рода ренты с ее обусловленного трудовой идентичностью социального статуса. Будучи политическим представительством проигравших в борьбе за изменение социального порядка и уходящих со сцены трудящихся классов, они обречены следовать в русле победителей-неолибералов и пытаться приспособиться к неолиберальной реальности. Поэтому *de facto* они выступают за весьма специфическую справедливость и солидарность, хотя по-прежнему используют «трудовую» риторику.

²¹ Vincent 2010: 93.

²² Федотова 2015: 116.

При этом «трудовая» риторика легко может вступить в союз с националистической, когда речь заходит об иммигрантах, «сидящих на шее у избирателей» или, напротив, «ворующих» у них работу и сбивающих цену рабочей силы. В ней присутствует представление о коренном гражданине, трудовая идентичность которого оказывается под угрозой; распространение же гражданских прав на иммигрантов бьет по его политической идентичности. Но вся эта риторика «черного» и «красного» «протекционизма»²³ (или «умеренного национализма социал-демократического или „зеленого“ образца»²⁴) объективно имеет своей целью не возврат в счастливое прошлое, а обеспечение ренты (под маской занятости) для коренного населения. Тут «коричневый» протекционизм

²³ Бек 2001: 214—220.

²⁴ Манифест 1999.

сплетается с «красным» в фактической постановке вопроса уже не о трудовой ценности индивида, а о его привилегированном положении в социальной структуре.

Радикально левые и радикально правые политические силы уже вступили в борьбу за переформатирование идеологического консенсуса в рентный формат на стороне тех, кто выпал или вываливается за пределы разрушающегося «общества труда». Поскольку рентный формат подразумевает борьбу прежде всего за перераспределение ренты, главным в риторике радикальных политических сил является перераспределительный момент. Мы легко обнаруживаем его в программе греческой «Сиризы», одного из появившихся в последние годы левых политических союзов, которые, на первый взгляд, артикулируют многие традиционные требования клонящейся к упадку социал-демократии, но в действительности представляют собой феномен иного порядка. Вместе с традиционными для социал-демократов выдвигаются требования, явно продиктованные нуждами прекаризирующегося населения: например, увеличение пособий по безработице и субсидий для престарелых, инвалидов, а также семей с одним родителем или не имеющих дохода; усиление охраны труда и защита заработной платы работников, занятых неполный рабочий день, и т.д. В точно таком же духе испанский «Подemos» обещает установить гарантированное пособие в размере 600 евро в месяц для безработных и дополнительное пособие для так называемых бедных трудящихся (чтобы довести их заработную плату до 900 евро), выступает против курса правительства на приватизацию в сфере общественных услуг, ставит вопрос о «национализации и социализации» энергетических предприятий.

Сохранением прежней субъектности (социально-трудовой, национальной, культурной) страдающих социальных групп, в сущности, озабочены и правые радикалы, продвигающие свою версию политики идентичности и компенсации, отвечающей новым условиям. Они подхватывают неолиберальную риторику эффективности, но выводят из нее требование ренты для близких себе социальных групп (которые не совпадают с социальной опорой неолибералов, однако до некоторой степени сходны с аудиторией леворадикальных популистов).

Там, где, как в Греции, исключительно остро стоит проблема мигрантов, риторика правых радикалов сближается с фашистской и консервативно-революционной. Весьма примечателен в этом плане манифест ультраправой греческой партии «Золотая заря», где популистская социальная риторика («социализм» в консервативно-революционном понимании) тесно переплетена с расизмом и национализмом, рассуждениями о миссии и судьбе нации и т.д.²⁵ Несколько смягченный вариант той же риторики можно найти и в программе французского «Национального фронта», среди положений которой есть такие, как прекращение дальнейшей иммиграции из неевропейских стран; отмена программ воссоединения семей для мигрантов и лишение их государственной медицинской помощи; возврат к традиционным ценностям;

²⁵ *Our Nationalism*
б.з.

проведение протекционистской политики и т.п. Сходных установок придерживается Австрийская партия свободы, склонная считать, что приезжие не хотят работать и при этом получают социальные пособия, которые не доходят до коренных австрийцев. Как выразился в свое

²⁶ *The Man 2000.*

время Йорг Хайдер, «эти люди нам не нужны, и не надо тратить на них деньги»²⁶. Особенно ярко суть праворадикальной борьбы за ренту выражена в риторике Британской национальной партии. Предлагаемую

²⁷ *Курносов 2008.*

ею модель «можно охарактеризовать как „благоденствие не для всех“, для чего, «по мнению партии, достаточно лишь избавиться от расходов в интересах этнических меньшинств»²⁷. При всем том в экономической сфере партия стоит на умеренно-левых позициях, выступая «за усиление государственного регулирования в экономике и за противодействие глобализации»²⁸.

²⁸ *Там же.*

Расширение влияния этих и подобных им политических сил происходит на фоне расцвета многообразных риторик идентичности, в подоплеке которых обнаруживаются претензии на вполне материальную ренту или хотя бы психологическое преимущество. Все новые и новые социальные группы формулируют свою идентичность так, чтобы общество или кто-то еще оказались им должны просто потому, что они есть. Культура, гендер, образ жизни, нация, раса и т.д. — все идет в ход. В схожей парадигме мыслят и их оппоненты. Множатся разнообразные дискурсы ненависти к определенным социальным группам с бросающейся в глаза идентичностью — например, национальной или сексуальной. Наиболее показательный феномен из этого ряда — радикальный феминизм и аналогичный ему мужской шовинизм, в которых в качестве обеспечивающего ренту ресурса выступает сам факт принадлежности к соответствующему полу.

* * *

Экономика капитализма с необходимостью порождает ренту, которую долгое время считали чем-то маргинальным и на которую не обращали внимания вследствие довольно высоких темпов экономического роста. Но «в условиях слабого роста доходность капитала практически неизбежно выше темпов роста, что автоматически придает несоизмерное значение имущественному неравенству, сформировавшемуся в прошлом»²⁹. Это неравенство и обеспечивает владельцам капитала гарантированный доход, рентная природа которого оказывается видна невооруженным глазом. Сама по себе капиталистическая рента неминуемо влечет за собой установление политических привилегий для собственников. В XX в. эту тенденцию потеснила демократизация, начавшаяся под давлением масс. Но теперь процесс пошел вспять. На фоне кризиса демократии и возвращения олигархии рента стала еще более явной. Заговорили, однако, прежде всего о политической ренте, продуцируемой склонным к раздаче необоснованных привилегий демократическим государством, — и это неудивительно, ведь вор всегда громче

²⁹ *Пикетти 2015: 422.*

всех кричит: «Держи вора!». Другими словами, дабы отвлечь внимание от себя, «экономическая рента» заметила политическую, капиталистическая — демократическую, а их тайные апологеты предложили бороться с рентой посредством поощрения конкуренции. Но если рассматривать демократию как слепок с конкурентного рынка, то, парадоксальным образом, усиление политической активности масс, вступающее в противоречие с тенденцией к олигархизации, — законный способ борьбы с рентой.

До сих пор основой легитимности демократических политических режимов служила субъектность избирателей как трудящихся и военнообязанных. Труд и участие в обороне страны были главными критериями, по которым оценивалась социальная значимость и полезность граждан. Но признаки такой субъектности все больше утрачиваются. В первую очередь это коснулось военной обязанности, теперь же, в перспективе очередного «технологического замещения» (и международного разделения труда), под сомнение ставится и трудовая значимость, ранее обусловленная необходимостью участия широких масс в индустрии и сельском хозяйстве.

Массы теряют влияние из-за утраты трудовой и военной значимости. Они не нужны в армии и уже не способны эффективно саботировать производство и коммуникации³⁰. Отсюда — кризис легитимности демократических политических институтов и нарастающая тенденция к олигархизации формально демократических политических режимов.

Нужно также обратить внимание на потерю народами власти над своей судьбой. Через систему многосторонних соглашений (в частности, речь идет о Трансатлантическом и Транстихоокеанском партнерствах и межамериканском соглашении о зоне свободной торговли) возникает новая архитектура международного права, по сути подразумевающая окончательное правовое оформление глобального доминирования транснациональных корпораций. То есть «народ может избрать новое правительство для того, чтобы провести меры, улучшающие его экономическое положение, преодолевающие кризис и стагнацию, но такое правительство не сможет принимать какие-либо меры, если они противоречат интересам любого из иностранных инвесторов; ведь трудно представить себе какое-либо мало-мальски значимое экономическое решение, которое никак не будет воздействовать — сразу или потенциально — на иностранных инвесторов»³¹. Если подобного рода прогнозы верны, это означает дальнейшее сокращение политических возможностей для подавляющего большинства населения.

Воля народа по-прежнему остается официальным источником легитимности подавляющего большинства политических режимов. Вместе с тем в условиях потери социальной субъектности массы обладают единственным средством восстановить свою значимость — через участие в политической борьбе. В силу указанных выше причин эта борьба будет все больше приобретать характер борьбы за ренту, хотя и не всегда будет осознаваться в качестве таковой. Иначе говоря, главная проблема будет

³⁰ См., напр. Митчелл 2014.

³¹ Гафуров 2015.

заключаться в способах возвращения общественной значимости масс на иных, не только трудовых и военных основаниях. Могут ли они снова стать экономическими и существуют ли механизмы, которые бы позволили вернуть массы в производство материальных благ? Зайдет ли в обозримой перспективе речь о новой социальной реальности, в которой люди будут гораздо менее зависимы от «общества» и «власти»? Каковы технологические и политические предпосылки такого поворота событий? Не исключено, что общее молчаливое признание того, что мы уже живем в рентном обществе и нуждаемся в ренте для поддержания своей субъектности, появится быстрее, чем консенсус по этому поводу в области политики и экономики. Вопрос в том, под чьей гегемонией будет достигнут этот консенсус. Если под гегемонией имущих слоев, то мы увидим общество законсервированного высшего отчуждения, где большинству будут предложены различного рода отстойники и резервации — от виртуальных до муниципальных. При иных обстоятельствах возможны попытки построения социализма с упором на развитие человеческого потенциала вынужденных рантье через создание экономики и техноструктуры, требующих участия человека, но не намеренно отсталых. В любом случае новый формат идеологического консенсуса будет состоять в достижении согласия относительно новых самых общих критериев социальной субъектности и получения ренты за «социальную значимость», выражающуюся в участии в общественных делах (ввиду невозможности участия в традиционно понимаемом производстве материальных благ и услуг). Здесь вероятно усиление влияния коммунитаризма (как альтернативы неолиберализму), чья риторика базируется на апелляции к ценностям среднего уровня, вершиной которых является общественное благо. При этом общественное благо легко может быть истолковано националистически, как благо некоей локальной общности, однако оно может трактоваться и в более универсальном ключе, сочетаясь с левыми взглядами.

Возможно, все высказанные выше соображения по поводу обозримого будущего преждевременны. Для нас сейчас актуален вопрос о том, что готовит нам переходный период в области идеологии. Сейчас очевидно только то, что эпоха новой «Великой трансформации» требует нового формата идеологического консенсуса современных обществ. Этот новый формат уже постепенно складывается, по мере того как старые и новые политические силы проходят в сфере идеологии стадию «рентной» трансформации.

Библиография

- Бек У.** 2001. *Что такое глобализация?* — М.
- Бенуа А.** 2013. *Идеология труда*. Ч. 2 (<http://www.rossia3.ru/politics/foreign/benoist2>).
- Валлерстайн И.** 2001. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. — СПб.
- Гафуров С.** 2015. Мир под властью корпораций // *Свободная пресса*. 12.01 (<http://svpressa.ru/economy/article/139923/>).

Кастель Р. 2009. *Метаморфозы социального вопроса: Хроника наемного труда.* — СПб.

Кашников Б.Н. 2004. *Либеральная теория справедливости и политическая практика России.* — Великий Новгород.

Курнос Д.Д. 2008. Британская национальная партия: эволюция и перспектива // *Политекс.* № 1 (<http://www.politex.info/content/view/403/>).

Лоскутов Ю.В. 2001. Проблема социальной субъектности // *Толерантность и полисубъектная социальность: Материалы конференции.* — Екатеринбург (<http://yuri-loskutov.narod.ru/socsubject.htm>).

Магун В. 2003. Смена диапазона // *Отечественные записки.* № 3.

Манифест против труда. 1999 (<http://www.krisis.org/1999/manifest-protif-truda/>).

Мартъянов В.С., Фишман Л.Г. 2010. *Россия в поисках утопий: От морального коллапса к моральной революции.* — М.

Митчелл Т. 2014. *Политическая власть в эпоху нефти.* — М.

Пикетти Т. 2015. *Капитал в XXI веке.* — М.

Прокофьев А.В. *Социальная справедливость: нормативное содержание и история становления понятия* (<http://iph.ras.ru/page/30194324.htm>).

Стэндинг Г. 2014. *Прекариат: новый опасный класс.* — М.

Федотова В.Г. 2015. Есть ли шанс у глобальной социал-демократии? // *Полис.* № 3.

Фишман Л.Г. 2014. Либеральный консенсус: дрейф от неолиберализма к коммунитаризму // *Полис.* № 4.

Фишман Л.Г., Давыдов Д.А. 2015. От капитализма к рентному обществу? // *Полития.* № 1.

Our Nationalism (<http://forumeuropa.net/printthread.php?tid=2277>).

The Man and His Messages. 2000 // *Time Europe.* 14.02.

Vincent A. 2010. *Modern Political Ideologies.* — Blackwell.

References

Beck U. 2001. *Chto takoe globalizacija?* — М.

Benoist A. 2013. *Ideologija truda.* Ch. 2 (<http://www.rossia3.ru/politics/foreign/benoist2>).

Castel R. 2009. *Metamorfozy social'nogo voprosa: Khronika naemnogo truda.* — SPb.

Fedotova V.G. 2015. Est' li shans u global'noj social-demokratii? // *Polis.* № 3.

Fishman L.G. 2014. Liberal'nyj konsensus: drejff ot neoliberalizma k kommunitarizmu // *Polis.* № 4.

Fishman L.G., Davydov D.A. 2015. Ot kapitalizma k rentnomu obshhestvu? // *Politeia.* № 1.

Gafurov S. 2015. Mir pod vlast'ju korporacij // *Svobodnaja pressa.* 12.01 (<http://svpressa.ru/economy/article/139923/>).

Kashnikov B.N. 2004. *Liberal'naja teorija spravedlivosti i politicheskaja praktika Rossii.* — Velikij Novgorod.

- Kurnosov** D.D. 2008. Britanskaja nacional'naja partija: ehvoljucija i perspektiva // *Politeks*. № 1 (<http://www.politex.info/content/view/403/>).
- Loskutov** Ju.V. 2001. Problema social'noj sub'ektnosti // *Tolerantnost' i polisub'ektnaja social'nost': Materialy konferencii*. — Ekaterinburg (<http://yuri-loskutov.narod.ru/socsubject.htm>).
- Magun** V. 2003. Smena diapazona // *Otechestvennye zapiski*. № 3.
- Manifest protiv truda**. 1999 (<http://www.krisis.org/1999/manifest-protif-truda/>).
- Martyanov** V.S., Fishman L.G. 2010. *Rossija v poiskakh utopij: Ot moral'nogo kollapsa k moral'noj revoljucii*. — M.
- Mitchell** T. 2014. *Politicheskaja vlast' v ehpokhu nefi*. — M.
- Our Nationalism** (<http://forumeuropa.net/printthread.php?tid=2277>).
- Piketty** Th. 2015. *Kapital v XXI veke*. — M.
- Prokof'ev** A.V. *Social'naja spravedlivost': normativnoe sodержanie i istorija stanovlenija ponjatija* (<http://iph.ras.ru/page30194324.htm>).
- Standing** G. 2014. *Prekariat: novyj opasnyj klass*. — M.
- The Man** and His Messages. 2000 // *Time Europe*. 14.02.
- Vincent** A. 2010. *Modern Political Ideologies*. — Blackwell.
- Wallerstein** I. 2001. *Analiz mirovykh sistem i situacija v sovremen-
nom mire*. — SPb.